

Независимая газета

Политика сиамских близнецов

У нас не разделение власти и даже не двоевластие, а предельная скованность власти

2009-01-21 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

В европейском доме произошел очередной скандал. В этом доме все живут спокойно и более или менее дружно. Но есть один, восточный подъезд, из которого постоянно доносятся вопли. В этом подъезде много жильцов, но когда в нем слышны крики, все знают – это не Украина скандалит с Белоруссией, не Латвия с Литвой и даже не Армения с Азербайджаном (они воевали и до сих пор «не здороваются друг с другом», но скандалов не устраивают). Это Россия «встает с колен» и ругается с кем-то из своих соседей.

Мы бранимся общественным строем

Поводы – самые разные. Из-за переноса Эстонией Бронзового солдата, из-за того, что нам не нравится молдавское вино, из-за поддержки нами сепаратистов в Грузии и, конечно, из-за цен за поставляемый нами газ и платы за транзит этого газа. К газовым скандалам все более или менее уже привыкли, но на этот раз скандал достиг колоссальных размеров, затронул жильцов всех подъездов и обсуждается во всех квартирах.

Доказывать невротическую природу этих скандалов, в результате которых Россия добивается именно того, чего она так хочет избежать (озлобления соседей, которые мечтают только о том, как бы поменьше от нее зависеть и поменьше с ней общаться; отношения западных стран к ней как к «проблемному государству», с которым «надо что-то делать»), – ломиться в открытую дверь. Связь этой политики (если здесь применимо это слово) с нашим строем и его эволюцией тоже достаточно ясна. С одной стороны, именно наш строй является главной причиной нашей изоляции, того, что наша интеграция в союзы развитых демократических стран невозможна и расширение этих союзов опасно. С другой стороны, исчезновение у нас оппозиции, полное единодушие наших основных СМИ – это атрофия критического разума, который может сдерживать невротические импульсы и корректировать поведение. Все это в основном понятно. Менее понятно другое – почему наши конфликты с соседями достигли небывалой интенсивности именно после того, как Путин ушел с поста президента.

Первый, второй, третий

Основные контуры нашей внешней политики, как и основные контуры нашей социально-политической системы, сложились до прихода Путина к власти. Но личная психология Путина (вспомним его образ мальчика, выходящего во враждебный двор, зажав «в потном кулачке» конфетку, которую у него могут отнять и которую он должен выгодно обменять) и его профессиональные привычки идеально соответствовали особенностям нашего массового сознания и этим уже обозначенным контурам. Наш

второй президент закрепил и предельно развил то, что было заложено при первом. И уже при Путине достаточно очевидной стала тупиковость этой политики, то, что мы сами себя загоняем в угол. Более того, было ощущение, что все усиливавшиеся к концу правления нервозность и раздражительность Путина связаны с его смутным ощущением этой тупиковости, а его решение уйти со своего поста отчасти было обусловлено пониманием того, что на этом этапе развития нужен уже другой человек, с иной психологией и иным имиджем. И не случайно, конечно, Путин выбрал преемником человека хотя и одного с ним роста (что, очевидно, было очень важным фактором), но очень не похожего на него по своему социальному генезису и психологически. Человека менее зажатого, совсем не невротика, с некоторыми правовыми и либеральными тенденциями. Были все основания ожидать, что новый президент принесет с собой некоторую «корректировку» курса.

В демократических системах оппозиция ждет каждого промаха власти, раздувает его, старается, чтобы о нем не забыли. Власть, знающая, что скоро выборы, старается избежать ошибок, не может не прислушиваться к критике и не учитывать ее. А если она почему-либо оказывается неспособной откорректировать курс, то просто перестает быть властью и за нее это делают другие. Система демократической ротации – это встроенный в общество механизм постоянной корректировки политического курса, исправления ошибок.

В недемократических системах такого механизма нет. Но какая-то периодическая корректировка курса происходит и в них. В царской России каждый новый царь что-то менял в политике. Новый царь – новый человек, он может взглянуть на политику свежим взглядом, у него нет оснований упрямо отстаивать заведомые ошибки предшественника, ибо это все-таки не его ошибки. То же происходило и в советское время. Умер Сталин – и тут же его преемники закончили тупиковую корейскую войну, вскоре началась оттепель. Почему же в сегодняшней России смена президента не только не привела к корректировке политики, но даже усугубила ее самые опасные стороны? Почему вместо попытки выйти из тупика мы устремились в него еще быстрее?

Побочные эффекты

В двух конфликтах эпохи «раннего Медведева» мы уже нанесли сами себе колоссальные удары. В результате грузинского конфликта Грузия при любых президентах еще много десятилетий будет врагом России, а что делать с Абхазией и Южной Осетией (которые не признаны даже Белоруссией), мы понятия не имеем. В результате газового конфликта с Украиной мы не только потеряли имидж (о таких тонких вещах у нас уже не думают), но потеряли миллиарды долларов и потеряем еще десятки миллиардов – на много порядков больше, чем теоретически могли бы получить с Украины. И то, что Украина тоже много потеряла, – конечно, утешение, но все-таки очень слабое. Мы резко, на порядок усилили свою изоляцию. Мы усилили тенденцию к европейской интеграции, нам совершенно не нужной, ибо нам легче играть на различии интересов отдельных европейских стран. В газовом конфликте проявилась еще и какая-то удивительная инерционность и неповоротливость нашей политики.

Ясно, что конфликта могло бы не быть. Договориться о том, о чем сейчас договорились Путин и Тимошенко, можно было в декабре. Но когда уже стало совершенно очевидно, что конфликт пора кончать – Европа замерзает и воет, – договориться и пустить газ можно было за один-два дня. У нас это тянется уже третью неделю.

Я думаю, что причина усиления нашей конфликтности и нашей неповоротливости – в созданной Путиным теперешней очень странной ситуации тандема власти. Путин решил соблюсти Конституцию и отказаться от президентства. Но при этом все-таки не решился совсем уйти от власти, как Ельцин, и стал премьером. Полностью уйти, тем более для еще не старого и здорового человека, как Путин, психологически было слишком сложно, да и опасно. Кроме того, Путин, очевидно, думал своим премьерством укрепить власть, помочь молодому президенту и гарантировать преемственность курса. Своих целей он добился, но, как это очень часто бывает, достижение каких-либо целей имеет побочные эффекты, которые не могли быть учтены. Своей рокировкой Путин создал ситуацию, предельно сковывающую и его друга и преемника, и его самого, и весь наш политический механизм.

У нас сейчас президент – избранный своим премьером, отправить которого в отставку для него и психологически, и политически невероятно трудно. Но и премьеру, если даже он пожалеет о своем выборе, тоже уже практически невозможно (во всяком случае, до 2012 года) избавиться от президента, которого он сам избрал. Наш властный тандем – «скованные одной цепью», или даже что-то вроде сиамских близнецов, которые могут освободиться друг от друга только в результате очень рискованной и страшной для обоих и для всей нашей политической системы операции.

Нет никакого сомнения, что наши правители – друзья и что Путин выбрал преемником человека, которому он доверял больше, чем кому-либо. Но есть объективно конфликтогенные ситуации, которые сильнее нас. Не надо думать, что члены, например, сталинского Президиума ЦК «ошиблись», избрав Хрущева, что Хрущев был злодеем, изначально задумавшим погубить людей, которые ему доверились и с которыми он вместе выпил на сталинской даче бочки вина. Просто они все попали в ситуацию, при которой конфликт был неизбежен, а победа Хрущева как его исход – очень вероятна. И то же можно сказать про множество исторических конфликтов между старыми друзьями и соратниками – от конфликтов между римскими триумвирами до конфликта Ельцина с Руцким и Хасбулатовым.

В плену друг у друга

Путин и Медведев – друзья, но они попали в ситуацию, объективно неудобную, болезненную и конфликтогенную. Это ситуация, при которой каждый из них не может свободно пошевелиться, ибо вокруг них люди, которые с замиранием сердца ловят любой сигнал, говорящий о реальных или мнимых разногласиях правителей, и любое неодобрение партнера по тандему чревато очень болезненным конфликтом с неопределенным исходом и общей дестабилизацией, которой оба боятся. Путин и Медведев – очень разные люди, и какие-то сигналы об их если не разногласиях, то различиях все равно появляются. Так, Медведев мог сказать, что «не надо кошмарить бизнес», именно в тот момент, когда Путин «кошмарил»

компанию «Мечел», а недавно Медведев даже выразил недовольство бюрократизмом в работе правительства. Но это скорее всего случайно вырвавшиеся сигналы. В ситуации, когда решение президента могло реально сыграть роль такого сигнала, Медведев, человек явно не злой, все-таки не помиловал Светлану Бахмину.

Какая бы то ни было корректировка курса в этой ситуации становится предельно трудной и опасной. Если бы Путин просто ушел, как Ельцин, Медведев мог бы что-то изменить в нашей политике и списать, как это раньше делал Путин, а до него Ельцин, какие-то трудности на тяжелое наследство, которое ему досталось (всем президентам достается тяжелое наследство). Но он ничего не может, ибо Путин – не ушел. Если бы премьером был не Путин, Медведев мог бы прогнать премьера, опять-таки изменив что-то в политике и списав что-то на отправленного в отставку. Но Путина в отставку не отправишь! Если бы, наоборот, Путин остался президентом, возможностей корректировки было бы, естественно, меньше, но все же они сохранялись бы. Признать свои собственные ошибки трудно, особенно для человека, который все время со всех сторон слышит слова одобрения и поддержки. Но все-таки можно. Сейчас же этого не может не только Медведев, но и Путин.

Теперешняя ситуация – это не правовая демократическая ситуация разделения власти и даже не ситуация двоевластия. Это – ситуация предельной скованности власти. Медведев при Путине – не нормальный полномочный президент; Путин же, человек, который совсем недавно назывался национальным лидером и майки с портретом которого раздавались «нашим», не может быть нормальным премьером, скромно занимающимся входящей в кризис экономикой и ждущим отставки. Они скованы друг другом. Сиамские близнецы должны двигаться синхронно, только вместе и по уже проложенной дороге, никуда с нее не сступая. И естественно, что лидирует в этом тандеме Путин – хотя бы потому, что все конфликты – продолжение тех конфликтов, которые были при его президентстве, у него уже выработанные реакции, он лучше знает нашу ведущую в тупик дорогу.

Газовый конфликт можно было решить очень быстро. Но если бы это сделал Медведев, это было бы косвенным осуждением Путина.

Обязательно тут же одни стали бы говорить, что вот Путин поднимал Россию с колен, Медведев же – слабый человек и идет на уступки; другие – что Путин завел нас в тупик, а Медведев из него вывел. А если бы это сделал сам Путин, это было бы признанием им своих ошибок, что теоретически мог допустить Путин-президент, но чего не может допустить Путин-премьер. В результате конфликт достиг небывалых размеров и то, что можно решить за день при потере нескольких миллиардов, решается неделями и с потерей десятков миллиардов.

Наш государственный корабль плывет не ясно куда. Ни Путин, ни Медведев не имеют никакого представления о том, куда они его направляют. Правда, даже при отсутствии ясного маршрута командир корабля, увидев рифы, может сменить курс. Но если командира – два и это – сиамские близнецы, реакции становятся замедленными, а корабль – совершенно

неуправляемым. А впереди – шторм кризиса. Потери, которые мы понесли из-за нашей неуправляемости в газовом конфликте, – это еще цветочки.